

Иоанн Никиусский и гражданская война в Египте

Ни один из исследователей гражданской войны 608–610 гг. не обходит вниманием эпизоды ее египетского этапа¹, тем более, что политическая активность египтян оценивается многими как наиболее высокая в Империи². Однако мы располагаем лишь единственным источником, поставляющим достаточную для анализа информацию, — «Хроникой» епископа Иоанна Никиусского, писавшего в конце VII в.³ Кроме того, трудности в интерпретации событий связаны с тем, что сохранилась только эфиопская версия арабского варианта «Хроники», которая не избежала последствий двойного перевода⁴. Для ряда историков этот факт является удачным предлогом для объяснения несоответствия сделанных ими выводов и данных Иоанна⁵. Но несмотря на неизбежность определенных искажений, многие на первый взгляд «темные» и даже невероятные сообщения отражают сложность и неоднозначность описываемых событий, порожденных спецификой политической жизни в Египте.

Политическая борьба часто трактовалась в терминах соперничества цирковых ассоциаций (венетов и прасинов), понимаемых как политические партии, выражающие интересы определенных социальных слоев⁶. Основываясь на «Учении Якова», «Чудесах св. Димитрия», «Повести о падении Иерусалима», а

¹ Ф. Винкельман. О роли народных масс в ранней Византии (в порядке дискуссии) // ВВ, 1979, т. 40, с. 33–34; A. Cameron. Circus Factions: Blues and Greens at Rome and Byzantium. Oxford, 1976, p. 139, 284; Y. Janssens. Les bleus et les verts sous Maurice, Phocas et Héraclius // Byzantion, 1936, vol. 11, p. 514–532; J. Jarry. Hérésies et factions dans l'Empire byzantin du IVe au VIIe siècle. Le Caire, 1968, p. 448–501; idem., Hérésies et factions en Egypte byzantine // Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale. 1964, vol. 62, p. 173–186; L. Pareti. Verdi e azzurri ai tempi di Foca e due iscrizioni inedite di Oxyrhynchos // Studi Italiani di Filologia Classica. 1912, vol. 19, p. 311–315; A. Stratos. Byzantium in the VIIIth Century. Amsterdam, 1968, vol. 1, p. 81–87.

² Ф. Винкельман. О роли народных масс..., с. 33.

³ La Chronique de Jean, évêque de Nikiou / Ed. H. Zotenberg. Paris, 1879; The Chronicle of John, Bishop of Nikiu / Trans. R. H. Charles. London, 1916. См.: A. Carile. Giovanni di Nikiou, cronista bizantino-copto del VII secolo // Felix Ravenna, 1981, vol. 121–122, p. 103–155.

Далее указания на страницы французского издания будут даваться прямо в тексте.

⁴ См.: A. Cameron. Circus Factions..., p. 83.

⁵ Ср. J. Jarry. Hérésies et factions dans l'Empire..., p. 465, 497.

⁶ См.: G. Crompton. Les dèmes et les partis politiques dans l'Empire byzantin aux Ve–VIIe siècles // Revue des Etudes Sud-Est Européennes, 1969, vol. 7, p. 271–274.

также на трудах Евтихия и Иоанна Антиохийского, многие ученые видят в гражданской войне 608–610 гг. наиболее яркое проявление общеимперского противостояния ипподромных фракций⁷. Что касается египетских событий 609–610 гг., то единственным основанием для анализа их в терминах борьбы «цветов» является краткое показание Павла Диакона: «В его (Фоки) времена прасины и венеты на Востоке и в Египте ведут гражданскую войну и доходят до взаимного кровопролития» (История лангобардов. IV. 36). Тем не менее, факты политической борьбы в Египте на рубеже VI–VII вв. часто интерпретируются с точки зрения фракционной теории. Мнение Л. Парети о том, что «отношения димов в Египте в конце правления Маврикия и при Фоке точно соответствовали отношениям димов в Константинополе»⁸, разделяется большинством византистов: «Ираклия поддержали зеленые, тогда как на стороне Фоки были голубые» (Ф. Винкельман)⁹; «Никета побил Боноза только с помощью прасинов» (А. Грегуар)¹⁰; «Везде — в Малой Азии и в Египте — венеты были фаворитами тирана» (И. Янссенс)¹¹. Некоторые исследователи пытаются обнаружить в борьбе «цветов» столкновения социального или религиозного характера: «прасины в Египте, как и в Константинополе, состояли из трудящихся классов, но к ним еще примыкали копты. Венеты включали ортодоксов и влиятельных лиц» (А. Стратос)¹²; венеты (= ортодоксы) с их лидером Фокой боролись в Египте против прасинов (= монофизитов), возглавляемых Ираклием (Ж. Жарри)¹³. Все эти авторы широко используют сведения Иоанна Никиуского, интерпретируя их в терминах «сине-зеленой» теории.

Напротив, А. Кэмерон рассматривает противостояние ипподромных ассоциаций как не имеющее политического значения, а «Хронику» — как документ, подтверждающий такую концепцию в отношении Египта. Он считает, что венеты и прасины не были основными участниками гражданской войны: «Их стычки в 609–610 гг. являлись ничем иным, как традиционным соперничеством. В той степени, в какой „цвета“ были фасадом для политического конфликта, политический конфликт стал удобным фасадом для открытой и безжалостной борьбы „цветов“ между собой»¹⁴.

Итак, можно ли видеть в социальных коллизиях конца VI — начала VII вв. в Египте только столкновения цирковых партий? И если нет, то формой

⁷ Г. Л. Курбатов. К проблеме типологии городских движений в Византии // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1974, вып. 1, с. 44–61; А. А. Чекалова. Константинополь в VI веке: Восстание Ника. М., 1986, с. 77, 84; Y. Janssens. Les bleus et les verts..., p. 499–536; A. Stratos. Byzantium..., p. 9–91.

⁸ L. Pareti. Verdi e azzurri..., p. 305.

⁹ F. Winkelmann. Zum byzantinischen Staat (Kaiser, Aristokratie, Heer) // Byzanz im 7. Jahrhundert: Untersuchungen zur Herausbildung des Feudalismus. Berlin, 1978, S. 216.

¹⁰ H. Grégoire. Le peuple de Constantinople ou les bleus et les verts // Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 1946, p. 576.

¹¹ Y. Janssens. Les bleus et les verts..., p. 531.

¹² A. Stratos. Byzantium..., p. 83.

¹³ J. Jarry. Hérésies et factions dans l'Empire..., p. 497–501; cp. Ch. Diehl. L'Égypte byzantine. Paris, 1933, vol. 3, p. 335–336.

¹⁴ A. Cameron. Circus Factions..., p. 284.

противостояния каких сил они являлись? И в какой степени «Хроника» Иоанна позволяет дать определенные ответы на эти вопросы?

При решении всех этих вопросов исследователь неизбежно сталкивается с проблемой терминологии цирковых партий у Иоанна Никиусского. Дело в том, что в эфиопской версии отсутствуют какие-либо аналоги греческих терминов «венеты» и «прасины». Современные исследователи вслед за первым переводчиком «Хроники» А. Зотенбергом пытаются идентифицировать цирковые ассоциации с теми группами, которые обозначены как «эльваты», «эльванты», «эльвануты», «эльтунаты», «эльнаты» и «работающие» (40, 144, 169, 188, 200 и т. д.). Арабский и эфиопский переводчики, считает известный критик фракционной теории А. Кэмерон, «ничего не знали о „голубых“ и „зеленых“». В эфиопской версии венеты обозначаются бессмысленным словом „эльвануты“, которое, вероятно, является транслитерацией „аль венети“ в арабской. „Зеленые“ вообще отсутствуют. Там, где можно было бы ожидать упоминаний о них, в эфиопском переводе фигурирует слово со значением „работающие“. Было бы удивительно, если бы Иоанн, столь часто упоминавший „голубых“, ничего бы не сказал о „зеленых“, и А. Зотенберг, конечно, прав в своем предположении, что арабский переводчик неправильно понял οἱ πράσινοι (термин, ему неизвестный) как производный от πράσσω — возможно, πράσσοντες, — который он поэтому перевел как „работающие“»¹⁵.

Бесспорно, такая трактовка носит гипотетический характер. Она не снимает всех возможных вопросов. Прежде всего, трудно объяснить, почему Иоанн несравнимо больше говорит о венетах, чем о прасинах, что необычно для ранневизантийских источников. И эта трактовка не является единственной. Уже английский переводчик «Хроники» Р. Чарльз рассматривал «работающих» только как ремесленные гильдии¹⁶. Но даже А. Зотенберг не был категоричен в своей гипотезе, которую некоторые новейшие ученые сделали аксиомой. Они игнорируют ту часть его комментариев, где «эльванты» связываются с одним из ливийских племен.

Следует чрезвычайно осторожно подходить к сохранившемуся тексту, тем более, что он является результатом двойного перевода. Вряд ли можно питать иллюзии, что оригинальная терминология не подверглась искажениям. Это было неизбежно особенно в тех случаях, когда переводчики сталкивались с понятиями, им чуждыми. Остается проблематичным, используются ли все указанные слова как обозначения цирковых партий. Их звуковое подобие не настолько велико, чтобы считать их синонимами. Поэтому необходим анализ каждого случая их употребления, когда есть хоть малейшая вероятность того, что речь идет о цирковых «цветах».

Один из таких случаев обнаруживается в главе ХCV. «Хроника» рассказывает, что Маврикий в начале своего правления «собрал немедленно в Константинополе всех всадников и отправил их в страну эльвантов. Он также отправил послание Аристомаху из Египта» (169). Для А. Зотенберга «эльванты»

¹⁵ A. Cameron. Circus Factions..., p. 83.

¹⁶ The Chronicle of John..., p. 175; cp. S. Vryonis. Byzantine Circus Factions and Islamic Futuwwa Organizations // BZ, 1965, Bd. 58, S. 56.

здесь — леванты, ливийское племя, обитавшее около Пентаполиса и в районе Сирта¹⁷. Ж. Жарри, находя интерпретацию А. Зотенберга неверной, рассматривает «эльвантов» как венетов, а «страну эльвантов» — как партию венетов, обыгрывая многозначность греческого слова *τὸ μέρος* (страна, сторона, часть, партия)¹⁸. Он трактует это событие как вызов, брошенный венетам «зеленым» императором¹⁹. Однако контекст исключает такое чтение: Иоанн, без сомнения, сообщает об отправке войск в какую-то область, возможно, как-то связанную с Египтом. Поэтому вариант А. Зотенберга кажется более убедительным. Для нас особенно важно, что термин в этом фрагменте несет этно-географический смысл, то есть не обозначает политическую или чисто спортивную группу.

В рассказе о мятеже в Айкалахе (187–192)²⁰ появляется термин «эльвануты». Четыре родственника (три брата и сын одного из них) из Айкалаха, расположенного недалеко от Александрии, были назначены префектом Иоанном правителями многих городов Египта. «Эти четыре человека, не имея сил снести свою великую удачу, начали нападать на эльванутов» (188). Они сожгли города Бану и Бузир, прогнали префекта Бузира, захватили множество лодок с продовольствием для Александрии. Их действия спровоцировали великую смуту, которая охватила весь Египет и которую удалось подавить с большим трудом.

Единственное, о чем сообщает Иоанн, — это то, что «эльвануты» стали одной из жертв мятежной четверки. А. Зотенберг, увидевший в «стране эльвантов» страну левантов, на этот раз трактует «эльванутов» как венетов²¹. Отталкиваясь от такой трактовки, некоторые исследователи рассматривают айкалахскую смуту как конфликт «голубых» и «зеленых». Так, Ж. Жарри говорит о «явно зеленом восстании, спровоцированном без сомнения влиянием голубых в Империи»²². Он классифицирует всех персонажей по зелено-голубому признаку: «четверо из Айкалаха» — прасины, так как нападают на «эльванутов» (= венетов)²³; александрийский префект — прасин, так как назначает «зеленую» четверку на ответственные посты²⁴ и т. д.

Интерпретация мятежа как «зеленого» не кажется убедительной, даже если признать, что «эльвануты» обозначают венетов Египта²⁵. Однако и последнее

¹⁷ La Chronique de Jean..., p. 179–181.

¹⁸ J. Jarry. Hérésies et factions dans l'Empire..., p. 449–450; ср. A. Cameron. Circus Factions..., p. 8ff.

¹⁹ Ibid., p. 450.

²⁰ Об этом событии см.: J. Jarry. La révolte dite d'Aykelah // Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale, 1964, vol. 62, p. 187–206.

²¹ La Chronique de Jean..., p. 187–188.

²² J. Jarry. Hérésies et factions dans l'Empire..., p. 465.

²³ Ibid., p. 448, 465. Ф. Винкельман считает, что зачинщики мятежа были коптами (Ф. Винкельман. О роли народных масс..., с. 33).

²⁴ J. Jarry. Hérésies et factions dans l'Empire..., p. 465–466.

²⁵ Даже сам Ж. Жарри чувствует уязвимость своей аргументации. Неудивительно, что он оценивает данный текст как «достаточно темный» (Hérésies et factions dans l'Empire..., p. 465). По мнению Ф. Винкельмана, «мотивы и начальная фаза его (мятежа). — И. К.) недостаточно ясны, поскольку рассказ Иоанна написан, по всей вероятности, на основании нескольких источников» (Ф. Винкельман. О роли народных масс..., с. 33).

сомнительно. Из текста невозможно понять, кто скрывается под этим термином. Поэтому вряд ли можно ответить на вопрос об участии «голубых» в айкалахских событиях²⁶.

А. Зотенберг не предлагает каких-либо аргументов в пользу своей версии, ограничиваясь следующим замечанием: «Я склонен скорее видеть здесь слово „венеты“, то есть „сторонники голубой фракции“»²⁷. Он лишь доказывает невозможность чтения «леванты», ссылаясь на «географические» (пространственные) причины. А. Зотенберг пишет, что район действий мятежников находился вдали от предполагаемой «страны эльвантов» (эльванутов?), поскольку Бану и Бузир располагались в Дельте, а Айкалах — недалеко от Александрии. Следовательно, заключает комментатор, для того, чтобы айкалахская четверка могла атаковать жившее вблизи Пентаполиса племя, было бы необходимо по крайней мере одно условие — полная военная дезорганизация провинции, при которой были бы возможны столь дальние рейды. А. Зотенберг не считает это вероятным²⁸.

Но данная версия не более, чем гипотеза. Мы мало знаем о положении в Египте перед айкалахской смутой, зато мы хорошо знаем о способности мятежников ввергнуть всю провинцию в состояние анархии. Из текста «Хроники», кроме того, не следует, что именно в Айкалахе, Бану и Бузире «эльвануты» были атакованы своими противниками. К тому же известно, что айкалахская четверка владела многими египетскими городами, и поэтому не исключено, что некоторые из них располагались в западных областях. С другой стороны, здесь говорится о нападении не на «землю эльванутов», а на самих эльванутов, и поэтому «географический» аргумент не кажется удачным: речь может идти о группе (большой или малой) представителей какой-нибудь этнической общности, оторванных в данный момент от «своей земли». И, наконец, слово «эльвануты» по графическому облику мало отличается от слова «эльванты». В целом, доводы, приведенные А. Зотенбергом, представляются нам недостаточными, чтобы отказаться от уже выявленного им значения «леванты».

О том, что термин «эльвануты», а также близкий ему по написанию термин «эльванты» несут этно-географический смысл, свидетельствуют два случая их употребления в рассказе о событиях, предшествующих гражданской войне 609–610 гг.: «Беспрестанные убийства, совершаемые Фокой, распространили ужас среди всех магистратов провинции эльватов. В то же время он не позволил ни в одной провинции избирать патриарха или любого священника без приказа императора» (200); «Фока, узнав об этих событиях (мятежах в Антиохии и Пентаполисе), ... послал чрезвычайно жестокого чиновника по имени Вабазун, родом из страны эльванутов» (201). В первом случае Иоанн, очевидно, рассказывает о бесчинствах, творимых Фокой в разных областях Империи, в том числе в некой «провинции эльватов». Ука-

²⁶ «Цирковые партии, — говорит Ф. Винкельман, — играли в этом движении не совсем понятную роль» (Ф. Винкельман. О роли народных масс..., с. 33).

²⁷ La Chronique de Jean..., p. 187.

²⁸ Ibid.

знание на магистратов подтверждает такое чтение: трудно представить исходное словосочетание *οἱ ἄρχοντες τοῦ τῶν Βενέτων μέρους*²⁹. Во втором случае «географический» смысл еще более несомненен. Если принять значение «леваты», станет понятным, почему автору понадобилась ссылка на происхождение Вабазуна (Боноза): император отправляет на подавление восстания в Пентаполисе человека родом из тех мест. Мы не можем согласиться с Ж. Жарри, интерпретирующим «эльватов» и «эльванутов» как «голубых»³⁰, тем более, что эта трактовка алогична сама по себе: невозможно объяснить действия «голубого» императора, преследующего «голубых» и одновременно пользующегося услугами «голубого» Боноза. Это показывает, как опасно строить сложные теории на столь шатком основании. Интерпретация «эльвантов», «эльванутов» и «эльватов» как ливийского племени кажется более убедительной, чем чтение «венеты».

В рассказе о гражданской войне в Египте современные исследователи обнаруживают четыре фрагмента, в которых, по их мнению, речь может идти о цирковых партиях. Сообщив о захвате Бонакисом Александрии, автор говорит: «До того, как он (Боноз) прибыл в Египет, Бонакис не только не покинул страну, но продолжал осуществлять свою власть над всеми магистратами Египта. Эльтунат конфисковал имущество Аристомаха, друга императора, и видных жителей Мануфа, чтобы те не имели возможности платить налог. Все объединились в восстании против Фоки» (211). В отличие от А. Зотенберга Ж. Жарри предлагает иное чтение: «эльтунаты конфисковали имущество Аристомаха...»³¹. Он видит в этом термине обозначение «голубых». Сообщение о насилиях эльтунатов (= венетов) вместе с фактом казни Бонозом трех мануфских старейшин (220) является для исследователя важнейшими доказательствами того, что «венеты были сторонниками Фоки во всей Империи»³². Неудивительно, что он рассматривает «видных жителей Мануфа» и «трех мануфских старейшин» как представителей партии прасинов. Однако, если считать Фоку общеимперским лидером венетов, то как можно объяснить преследования предполагаемыми «голубыми» Аристомаха, друга императора? По нашему мнению, нет никаких оснований полагать, что насилия в Мануфе были делом рук венетов. Вряд ли «эльтунат», единственный раз появляющийся в «Хронике», является синонимом «эльванутов». Скорее всего, это имя собственное, и речь идет о человеке по имени Эльтунат, подобно Эльвату в случае с Керкопом (40). Действия Эльтуната становятся понятными в свете следующей фразы: «Все объединились в восстании против Фоки». Создается впечатление, что Иоанн Никиусский рассказывает о нападениях на сторонников императора после захвата Бонакисом Александрии. Можно, конечно, предположить, что за этим именем скрывается сам Бонакис, что логически связало бы это предложение с предшествующим. Но это только гипотеза.

²⁹ В главе XXXV говорится о «человеке по имени Эльват» (40), то есть здесь слово употребляется как имя собственное.

³⁰ J. Jarry. *Hérésies et factions dans l'Empire...*, p. 484, 498.

³¹ *Ibid.*, p. 497–498.

³² *Ibid.*, p. 498. Ср. A. Stratos. *Byzantium...*, p. 83.

«Хроника» сообщает, что во время наступления армии Боноза Христорора «отказалась принять посольство Ираклия. Люди Египта и эльнаты ожидали подкреплений, которые должны были прибывать по земле и воде. Они прибывали по двум рукавам реки...» (213). Данный фрагмент показывает, что мы имеем дело не с политической, а этнической группой. «Эльнаты» и «люди Египта» представлены как понятия одного ряда. С одной стороны, они этнически отличны от египтян, с другой — они играют достаточно важную роль в событиях. Чтение «леваты» кажется в этом случае наиболее предпочтительным, поскольку мы знаем о той огромной помощи, которую оказали Ираклию «варвары Триполитании и Пентаполиса». Иоанн говорит, что лидер мятежа раздал им много денег, обеспечив тем самым их участие в гражданской войне, и вместе с Бонакисом послал в Пентаполис «большое число варваров» (206). Поэтому мы вправе ожидать, что среди сторонников Ираклия будет названа группа, этнически чуждая египтянам (возможно, леваты)³³.

Рассказывая об обороне Александрии от войск Боноза, хронист свидетельствует, что Птолемей, Евсевий и другие руководители партии Ираклия «должны были собрать все ресурсы, которые они смогли бы найти, и привести к нему (Никете) людей из всех провинций Египта. Люди эльванутов, большие и малые, и магистраты стали охранять и защищать Никету в Александрии» (218). С точки зрения А. Зотенберга, упоминание о «больших и малых» и о «магистратах» исключает чтение «леванты». Он считает, что «эльвануты» здесь — венецы³⁴. Отталкиваясь от такой интерпретации, А. Зотенберг, Ж. Жарри и ряд других исследователей приходят к выводу, что позиция «голубых» в Александрии не совпадала с позицией «голубых» в других городах Империи, где эта фракция поддерживала Фоку³⁵. Однако вряд ли можно, исходя из одной этой фразы, делать заключение об особой роли александрийских венецов. Более того, аргументы А. Зотенберга явно недостаточны, чтобы отказаться от чтения «леванты». «Большие и малые» могут равно характеризовать как этническую, так и политическую группу. Ссылка на «магистратов» также не решает проблемы — такое указание говорит лишь о том, что среди «эльванутов» не было тех, кто занимал официальные должности.

На наш взгляд, в результате двойного перевода исказились оригинальные строй и смысл греческой фразы. Возможно, «большие и малые» первоначально являлись существительными со значением «знать и простой народ»³⁶, но были поняты как прилагательные и отнесены к «эльванутам». Реконструированное, это свидетельство обретает логичность: все — чужеземцы (леванты), знать и простой народ, и магистраты — сражались на стороне

³³ Проблема участия чужеземцев в гражданской войне является важной для Иоанна не только, когда он пишет о Египте (ср. 200, 201, 221).

³⁴ *La Chronique de Jean...*, p. 218.

³⁵ *Ibid.*; *J. Jarry. Hérésies et factions dans l'Empire...*, p. 498; «...голубые, — пишет А. Кэмерон, — обычно союзники полководца Фоки Боноза, оказывали всяческую помощь кузену Ираклия Никете во время оккупации им Александрии. Конечно, она не была продолжительной» (*A. Cameron. Circus Factions...*, p. 284).

³⁶ Ср. «знать и народ города (Александрии. — И. К.) объединились в чувстве ненависти к Бонозу» (210).

Никеты. То, что список защитников Александрии открывают именно эльвануты, объясняется содержанием предшествующего предложения, в котором говорится о созыве ополчения из «всех провинций Египта». В этом ракурсе чтение «леванты» предпочтительнее остальных.

При описании заключительного этапа гражданской войны Иоанн сообщает, что «во время войны Боноза и Никеты работающие в Египте напали на людей эльванутов и стали открыто их грабить и убивать» (221). Никета вмешался и восстановил порядок. Исследователи, начиная с А. Зотенберга, видят здесь обычный конфликт цирковых партий³⁷. Для них естественно, что победившие прасины («работающие») стали мстить проигравшим венетам («эльванутам»)³⁸. Но в этих терминах невозможно объяснить, почему Никета заступился за своих противников. Его действия станут гораздо более мотивированными, если предположить, что нападению подверглись его союзники — варвары. Что касается идентификации «работающих» с прасинами, то она проистекает прежде всего из их противопоставления «эльванутам» (= венетам). Но если «эльвануты» — ливийское племя, то вероятность такой идентификации уменьшается. Кроме того, странно, что термин «работающие» только один раз появляется в рассказе о египетских событиях 609–610 гг. Вопрос определения его значения остается открытым. Во всяком случае, версия Р. Чарльза («работающие» — ремесленные гильдии) кажется более близкой к истине, чем фракционная теория.

Существует еще один фрагмент, который многие исследователи используют как доказательство «зелено-голубой окраски» египетских событий конца правления Фоки. Мы узнаем из «Хроники», что среди немногих египтян, оставшихся на стороне императора, выделялся Космас, сын Самуила, который «вел за собой всех префектов своей партии и возвышался над ними». Он также был другом Павла, правителя Семнуда (212). Этот персонаж, отряды которого, согласно Иоанну, сыграли решающую роль в победе Боноза над Бонакисом (214), рассматривается сторонниками концепции Манойловича как лидер египетских венетов³⁹ на основании того, что при мусульманском завоевании он являлся «главнокомандующим эльвантов» (242)⁴⁰. Однако текст «Хроники» показывает, что Космас был скорее не лидером цирковой партии, а возглавлял, как и Птолемей, «префект варваров» (190), военное соединение, возможно, состоявшее из лиц неегипетского происхождения. Кажется, что «эльванты» не представляли собой самостоятельной политической силы в 641 г., когда их использовали как за (245–246), так и про-

³⁷ La Chronique de Jean..., p. 221; Y. Janssens. Les bleus et les verts..., p. 529; J. Jarry. Hérésies et factions dans l'Empire..., p. 500; A. Stratos. Byzantium..., p. 87.

³⁸ A. Cameron. Circus Factions..., p. 284. Цирковые партии, по мнению Ф. Винкельмана, «используют сложную ситуацию для борьбы между собой, мотивы которой трудно уяснить» (Ф. Винкельман. О роли народных масс..., с. 34).

³⁹ J. Jarry. Hérésies et factions dans l'Empire..., p. 449; S. Vryonis. Byzantine Circus Factions..., p. 58.

⁴⁰ См.: Ф. Винкельман. Положение Египта в Восточноримской (Византийской) империи // ВВ. 1986, т. 46, с. 84; J. Jarry. Cosmas, fils de Samuel, et les dernières décades de l'Égypte byzantine // Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale, 1974, vol. 74, p. 85–91; cp. F. Winkelmann. Ägypten und Byzanz vor der arabischen Eroberung // BS, 1979, vol. 40, p. 161–182.

тив (242) византийских властей. Поэтому вряд ли можно видеть в «префектах партии Космаса» руководителей одного из ипподромных «цветов». Невозможно также определить фракционные симпатии самого Космаса. Трудно предположить, что именно они диктовали его действия. Своей победой у Нила Боноз был обязан не венетам, а «людям Космаса», как и «людям Павла, Маркиана и Христорды». Космас предстает как один из правителей египетских городов и областей, который имеет собственные военные силы, как это видно из рассказа об айкалахском мятеже (191–192). Учитывая это, мы склонны трактовать «префектов его партии» не как демархов партии венетов, которую якобы возглавлял Космас, а как чиновников тех областей, которыми он управлял. Вероятно, «партия», как и в предыдущих случаях, означает «страну», «сторону», «провинцию». Словосочетания «префекты его страны» и «люди Космаса» передают прежде всего отношения личной преданности. Кажется, что сторонники Космаса участвовали в гражданской войне лишь в той степени, в какой он сам принимал в ней участие.

Таким образом, текст «Хроники» не дает никаких оснований рассматривать гражданскую войну в Египте в духе Павла Диакона. Нельзя говорить о борьбе цирковых партий уже потому, что нет ни одного убедительного свидетельства участия в событиях сторонников прасинов. Но еще больше подрывают «зелено-голубую интерпретацию» те сомнения, которые возникают при идентификации венетов с «эльтунатами», «эльнатами», «эльванутами», «эльватами» и «эльвантами». Только в одном фрагменте труда Иоанна можно увидеть более или менее бесспорное указание на венетов-«эльванутов», бежавших во время свержения Фоки в св. Софию (224). Скорее следует считать все эти термины (кроме термина «эльтунат») обозначениями каких-то этнических общностей (леватов, левантов), представители которых сыграли не последнюю роль в политических коллизиях того времени.

Все вышесказанное позволяет нам скорректировать взгляды относительно участия «цветов» в египетской политике. Складывается впечатление, что их деятельность в Египте не имела столь значительного социального эффекта, как в Константинополе и ряде других провинций⁴¹. В этом плане можно говорить об особом положении Египта, которое определялось, по-видимому, прогрессирующей регионализацией Империи⁴².

Но если не конфликт «цветов», то что же стояло за острой кровопролитной борьбой приверженцев Фоки и Ираклия в крупнейшей из провинций Византийского государства? Может, это был конфликт богатых и бедных,

⁴¹ Наша точка зрения на вопрос о роли цирковых партий в ранневизантийском обществе высказана в докладе на Московском конгрессе византинистов: *I. V. Krivouchine. La lutte des partis du cirque dans la Haute Byzance // XVIIIe Congrès International d'Études byzantines: Résumés des communications. Moscou, 1991, vol. 1, p. 612–613.* См. полный текст доклада на русском языке: *И. В. Кривушин. Цирковые партии в ранней Византии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История, языковедение, литературоведение, 1992, вып. 2 (№ 9), с. 103–106.*

⁴² См. прежде всего: *A. Guillou. Régionalisme et indépendance dans l'Empire byzantin au VIIe siècle: L'exemple de l'Éxarchat et de la Pentapole d'Italie. Roma, 1969 (см. особенно: p. 236–246).* См. также: *О. Р. Бородин. Византийская Италия в VI–VIII веках (Равеннский экзархат и Пентаполь). Барнаул, 1991, с. 236–274.*

столь характерный, по мнению многих, для античного мира?⁴³ Однако трудно трактовать сообщения об ограблении Эльтунатом виднейших жителей Мануфа (211) или об уничтожении воинами Боноза собственности александрийцев (218) как факты имущественной вражды. Доказательством важности такого антагонизма может стать фрагмент рассказа о восстании александрийцев против Фоки: мятежники, по словам Иоанна, «отняли у богатых все в золоте, серебре, благородной одежде, что Фока им подарил» (211). Но из этого не следует, что Фоку поддерживали имущие классы, а Ираклия — неимущие. В этой фразе акцент ставится не на богатстве тех, кто подвергся насилию, а на факте дарения: эти люди стали объектом ненависти не вследствие особых размеров своего состояния, а из-за их связей с ненавистным императором. Кроме того, из текста ясно, что в мятеже против Фоки приняли участие как народ, так и знать (210)⁴⁴, поэтому нельзя видеть в нападавших исключительно лиц, лишенных средств существования, а в их жертвах — только членов городской элиты. Александрийский мятеж воспринимается не как столкновение богатых и бедных, а лишь как выступление городского населения против императорской власти.

Попытка многих исследователей интерпретировать гражданскую войну как религиозное противостояние⁴⁵ также не кажется убедительной. Позиция халкидонского патриарха Федора Скрибона, отказавшегося примкнуть к противникам императора, не может рассматриваться в качестве доказательства лояльности ортодоксальной церкви к Фоке, а его убийство, о котором сообщает «Пасхальная хроника»⁴⁶, — как «антихалкидонский акт коптов»⁴⁷. Гибель назначенного Фокой патриарха следует понимать в контексте всеобщего возмущения александрийцев против высших представителей Константинополя — не только Федора Скрибона, но и префекта Иоанна и других магистратов⁴⁸. Что касается выдачи монахам мятежных аристократов Бонозу (215), то на его основе нельзя делать выводы о политической позиции всего египетского монашества, тем более, что этот факт относится ко времени, когда могущество Фоки казалось неоспоримым. Не надо забывать об особой, согласно Иоанну, ненависти Боноза к «монахам и церковникам» (201).

«Хроника» показывает, что в событиях 609–610 гг. принимали участие все слои египетского населения. Какие же политические позиции они занимали? Большинство префектов средних и малых городов Египта поддержало Бо-накиса. Некоторые из аристократов (например, Федор, сын бывшего алек-

⁴³ См.: *Cl. Mossé. La fin de la démocratie athénienne.* Paris, 1972; *J.-P. Vernant. Remarques sur la lutte de classe dans la Grèce ancienne // Eirene*, 1965, vol. 4, p. 5–19.

⁴⁴ Cp. *La Chronique de Jean...*, p. 203.

⁴⁵ *G. Bratianu. Empire et démocratie à Byzance // BZ.* 1937, Bd. 37, S. 101; *Ch. Diehl. L'Égypte byzantine...*, p. 336; *J. Jarry. Hérésies et factions dans l'Empire...*, p. 496–500; *A. Stratos. Byzantium...*, p. 83; cp. *A. Cameron. Circus Factions...*, p. 139.

⁴⁶ *Chronicon Paschale // PG.* Parisius, 1860, vol. 92, p. 977.

⁴⁷ *J. Maspero. Histoire des patriarches d'Alexandrie.* Paris, 1923, p. 326.

⁴⁸ Вспомним, что поводом экспедиции Боноза послужило восстание в Пентаполисе против назначенного Фокой префекта Феофила (201). См. об этом: *J. Jarry. Hérésies et factions dans l'Empire...*, p. 496.

сандрийского префекта Менаса) стояли у истоков мятежа (206). В самом начале похода к восставшим присоединился могущественный правитель Мареотиды Леонтий, назначенный Фокой (209). К партии Ираклия примыкали, таким образом, не только опальные, но и обязанные своим возвышением императору сановники. После захвата Бонакисом Александрии все города, кроме Семнуда, подчинились победителю (211–212)⁴⁹. На стороне Фоки остались только Павел (Семнуд), Маркиан и Христорора (Пикурон), а также Ливнакис и Космас, но трое первых проявляли колебания (212–213). О том, что главным противником Боноза была египетская аристократия⁵⁰, свидетельствуют те жестокие репрессии, которые стратег, помиловавший бывших солдат Маврикия, обрушил на представителей провинциальной элиты: были казнены Платон, епископ Федор, викарий Федор, из-за сурового обращения скончался бывший префект Александрии Менас и т. д. (214–215). Но даже после поражения у Нила египетская верхушка сохранила свою верность Ираклию: «Главные жители Египта пришли к Никете и оказали ему помощь» (205). Представители египетской знати объединились вокруг Ираклия в борьбе против императора подобно тому, как они сплотились вокруг префекта Иоанна для подавления айкалахского мятежа. В обоих случаях их военные формирования сыграли решающую роль в исходе событий.

Иной была ситуация в Александрии, резиденции главы провинциальной администрации и руководителя местной церкви. В отличие от правителей средних и малых городов, александрийский префект Иоанн и патриарх Федор поддерживали Фоку. Их верность императору объяснялась не столько страхом перед Бонакисом, сколько страхом перед жителями города. Иоанн и Федор воспринимались александрийцами не как руководители городской общины, а как навязанные Константинополем чиновники. Поэтому мятеж в Александрии стал выступлением всех горожан (и народа и знати) против государственной администрации⁵¹. Как свидетельствует «Хроника», они «объединились, найдя согласие в чувстве ненависти к Бонозу» (210).

Но не только городское население поддержало Ираклия. В состав армии Никеты входили «солдаты, варвары, жители Александрии, крестьяне, матросы, стрелки» (215). Сопrotивление Бонозу носило действительно общеегипетский характер. Поэтому высказывания типа «все объединились в восстании против Фоки» (211) или «все города Египта признали его (Никеты) власть» (220) следует понимать буквально. Автор акцентирует эту идею и при описании последних дней правления узурпатора, свергнутого «народом Византия», «сенаторами, магистратами, солдатами» (224).

⁴⁹ Иоанн подчеркивает, что Павел был любим жителями Семнуда (212), которые, очевидно, поддерживали его действия. Это можно объяснить особыми региональными интересами Семнуда.

⁵⁰ Даже в окружении Боноза находился сочувствовавший мятежникам аристократ Иоанн. Именно он предупредил Никету о готовящемся на него покушении (218).

⁵¹ «Восстание в Александрии, по всей вероятности, было направлено против представителей высшей византийской администрации и, скорее всего, являлось социальным протестом против жестокого экономического притеснения Египта со стороны Фоки» (Ф. Винкельман. О роли народных масс..., с. 33–34). Следует также учитывать, что александрийцы были раздражены арестом бывшего префекта Менаса (211).

Иоанн Никиусский изображает египетские события 609–610 гг. не как столкновение различных групп провинциального общества, но прежде всего как их совместную борьбу против центральной власти. Перед этим фундаментальным антагонизмом отступают все внутренние противоречия. Нет никаких указаний, что конфликты городской знати и городской бедноты, землевладельцев и крестьян⁵², разных городов и регионов имели какое-либо значение в гражданской войне на территории Египта. Недовольство всех социальных слоев сфокусировалось на императоре и его высших представителях в провинции.

Центробежные тенденции имели экономическую причину⁵³. В рассказе об александрийском мятеже говорится, что ираклианцы «взяли императорский налог у тех, кто его (Боноза) защищал» (211). Обложение императорским налогом только сторонников Фоки было демонстративным актом, свидетельствующим об особой остроте фискальной проблемы в провинции, которая являлась основным поставщиком продовольствия в Константинополь⁵⁴. Именно в экономической эксплуатации населения следует искать объяснение большинства египетских смут того периода. Как показывает «Хроника», айкалахский мятеж был в значительной степени проявлением борьбы за контроль над системой распределения: люди из Айкалаха «захватили множество лодок с продовольствием для Александрии» (188), «подняли налоги и заставили областного префекта передать им доходы от государственных налогов» (190)⁵⁵. Иоанн подчеркивает ту роль, которую проблема снабжения сыграла в возмущении фракийской армии против Маврикия (198). Автор оценивает императоров в зависимости от их отношения к фискальному вопросу в Египте⁵⁶. Что касается событий 609–610 гг., то в них налоговый гнет центра непосредственно ассоциировался с Фокой и его приближенными. В этих условиях Бонакис и Никета воспринимались как избавители Египта от экономического давления Константинополя, и именно поэтому движение в поддержку Ираклия стало всеобщим. Даже крестьяне, чей экономический статус определял особую ценность Египта для Империи, сражались на одной стороне с египетскими аристократами, и мы не находим в тексте никаких данных о конфликтах из-за земельной собственности наподобие тех, которые нам известны из «Жития Федора Сикеота»⁵⁷. Поступок

⁵² Ср. The Cambridge Medieval History / Ed. J. M. Hussey. Cambridge, 1966, vol. 4, part 1, p. 38–39.

⁵³ Ср. Ф. Винкельман. О роли народных масс..., с. 34; N. Jorga. Histoire de la vie byzantine. Paris, 1934, vol. 1, p. 154.

⁵⁴ См.: J. L. Teall. The Grain Supply of the Byzantine Empire: 330–1025 // DOP, 1959, vol. 13, p. 87ff.

⁵⁵ Существует мнение, что связанный с этим мятежом перерыв в доставке египетского продовольствия в столицу ускорил падение Маврикия (J. Jarry. Hérésies et factions dans l'Empire..., p. 464; N. Jorga. Histoire..., p. 268).

⁵⁶ Он подчеркивает, что Маврикий «уничтожил несправедливости своих предшественников», когда «он издал закон, защищающий от наказания и ответственности капитанов, которые потеряли корабли в море, и приказал относить убыток за счет казны» (199).

⁵⁷ См.: Г. Л. Курбатов. История Византии. М., 1984, с. 70; ср.: E. Pailagean. Pauvreté économique et pauvreté sociale à Byzance: IVe–VIIe siècles. Paris, 1977, p. 216; G. E. M. de Ste-Croix. The Class Struggle in the Ancient Greek World from the Archaic Age to the Arab Conquest. Ithaca, 1981, p. 318.

Никеты, освободившего провинцию от налогов на три года (221), не может рассматриваться иначе, как удовлетворение главного требования его египетских сторонников⁵⁸.

Итак, конфликт, лежавший в основе гражданской войны 609–610 гг., был традиционен для Египта. Никету поддержало все население провинции независимо от социально-экономических различий. Причиной этого послужила всеобщая ненависть к центральному правительству, выразившаяся в возмущении против его представителей — Боноза, Федора Скрибона и префекта Иоанна. Феномен политического сепаратизма объясняется особенностями экономического статуса Египта, характером его связей с Империей. Реакция против жесткой системы налогообложения стирает остроту внутренних конфликтов и превращает выступление египтян против Фоки в своеобразное «общенациональное» движение.

⁵⁸ Именно налоговое давление и местные интересы облегчили арабам завоевание Египта. См. об этом: *G. Bratiani. Empire et démocratie...*, p. 106; *A. Butler. The Arab Conquest of Egypt and the Last Thirty Years of the Roman Domination. London, 1978, p. 278–358, 443–480.*